

"Пространство" и "пространства": рефлексия над пространством как (не) обязательный элемент теоретизирования в социальных науках

Эльвира Октавьевна Леонтьева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com

Аннотация. Статья обращается к критическому осмыслению формулировки «пространственный поворот», ставшей предметом круглого стола в журнале «Ойкумена» весной 2021 года. Обращается внимание на разный онтологический статус категории «пространство» в работах по социологии. В разрезе этого признака все исследования делятся на 3 условные группы: универсалистские, партикулярные и метафорические. Показывается, что при всём внимании к проблематике «места» (дистанции, расположения, перемещения), лишь единичные работы обращаются к «пространству» как к категории предельного уровня, работающей в универсальном объяснительном диапазоне. Также немалое число авторов, обращаясь к сюжетам мобильности, миграции, туризма, стратификации и т.д., аргументируют соотносённость эмпирического предмета с некоторой частью пространства. И абсолютное большинство апеллируют к понятию пространства как к интуитивно ясному, не подразумевая необходимость рефлексии. Это показывает, что категория «пространство», притягивая внимание исследователей, одновременно выпадает из рефлексии. Таким образом, рефлексия над пространством неинтересна социологам, что не подтверждает гипотезу «пространственного поворота» в отношении этой науки.

Ключевые слова: социальное пространство, пространственный поворот, универсалистская теория, партикулярная теория, социальная онтология

Для цитирования: Леонтьева Э. О. "Пространство" и "пространства": рефлексия над пространством как (не) обязательный элемент теоретизирования в социальных науках // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 35–43. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/35-43

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/35-43

"Space" and "Spaces": Reflection on Space as a (In)Dispensable Element of Theorizing in the Social Sciences

El'vira O. Leont'eva,
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Abstract. The article refers to a critical reflection on the wording "spatial turn", which became the subject of a round table in the journal "Ojkumena" in the spring of 2021. Attention is drawn to the different ontological status of the category "space" in works on sociology. In the context of this feature, all studies are divided into 3 conditional groups: universalistic, particularistic and metaphorical. It is shown that with all the attention to the issues of "place" (distance, location, movement), only a few works refer to "space" as a category of the limiting level, working in a universal explanatory range. Also, a few authors, referring to the subjects of mobility, migration, tourism, stratification, etc., argue the correlation of an empirical subject with a certain part of space. And the vast majority appeal to the concept of space as intuitively clear, without implying the need for reflection. This shows that the category "space", while attracting the attention of researchers, simultaneously falls out of reflection. Thus, reflection on space is of no interest to sociologists, which does not confirm the hypothesis of a "spatial turn" in relation to this science.

Key words: social space, spatial turn, universalistic theory, particularistic theory, social ontology

For citation: Leont'eva E. O. "Space" and "Spaces": Reflection on Space as a (In)Dispensable Element of Theorizing in the Social Sciences // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 35–43. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/35-43

Определённое понимание пространства в той или иной степени в качестве мировоззренческого ядра является частью любой фундаментальной теории, в том числе и в социологии с самого момента её появления. Например, в качестве такой конструкции социального пространства, заложенной в основание классических социологических теорий, можно указать на любую модель устройства общества, признающую значение его структурных элементов в большей степени, чем темпоральных или динамических. Физикализм, от которого ещё в первых социологических теориях наметилось разграничение концепций "структуры" и "действия" [8, с. 43–47], задал ключевые теоретические векторы в социологии рубежа XIX–XX веков и предопределил многие тренды на будущие десятилетия. Стало уже общим местом считать, что на базе социальной статистики, ассоциируемой с пространственным параметром социальных отношений, начали развиваться структурные исследования, а на основе "социальной динамики", как временного измерения, возникли функционалистские теории и социология действия. Это фундаментальное разграничение в дальнейшем получило интерпретацию в терминах "дихотомии "структура-действие", актуальную до настоящего времени. Таким образом,

категория пространства с самого начала XX века становится предметом социологической рефлексии. Традиционно первопроходцем этого направления принято называть Г. Зиммеля, в работах которого появились первые попытки осмысления социальных взаимодействий в пространственной логике, например, в его лекциях о Канте, прочитанных в Берлинском университете в 1902–1903 гг. [9], а также в работе "Пространство и пространственные порядки общества", включённой как главу в его труд "Социология" [17, с. 64–65]. Затем были П. Сорокин [16], Д. Мид [13], Чикагская школа [14], позднее П. Бурдьё [3; 4]. Поэтому, с одной стороны, можно утверждать, что для социологии не было пространственного поворота, а было последовательное нарастание интереса к пространству в течение всего времени её существования.

Однако, с другой стороны, в сравнении с тем, как происходит осмысление пространства в философии и гуманитарной географии, интерес социологов не отличается той выразительной артикуляцией, в которой эта категория приобретает статус самостоятельного аналитического конструкта и, несмотря на то, что исследования по социальной структуре, стратификации, мобильности, социология города/села и т.д. умножаются год от года в своей численности, вряд ли можно считать, что "пространственный поворот" в социологии состоялся как завершённый проект.

В этой работе развивается тезис С.Е. Ячина [2, с. 56] о неясности онтологического статуса категории "пространство" применительно к социологии и преобладании метафорических коннотаций. До настоящего времени нельзя говорить о том, что аналитические разработки социологов в отношении понимания пространства продвинулись дальше высказанного ещё полтора десятка лет назад допущения А. Ф. Филиппова о возможности такой дисциплины, как социология пространства со своей собственной предметной областью [18, с. 259].

Возможно, процесс её становления переживает долгую латентную фазу, но к настоящему моменту представляется возможным говорить о трёх онтологических разрезах, в которых употребление категории "пространство" сложилось в социологии. Первый реализует универсалистские претензии и придаёт этому понятию статус интегративной категории, вокруг которой строится теория. В них особым образом отрефлексированное пространство одновременно выполняет функцию модели, объясняющей взаимодействия более частного уровня. Такая социальная теория предлагается, например, П. Бурдьё, и его понимание пространства в данной статье анализируется как пример такого способа теоретизирования.

Вторую группу работ по степени рефлексии над пространством можно отнести к разряду партикулярных – в них понимание пространства не рефлексивируется, как в первой группе, но только проблематизируется, что имеет ограниченный эвристический потенциал, не выходит за пределы эмпирического объекта и не может быть применено к объяснению более широкого круга явлений. Примером такого подхода можно считать работы преимущественно эмпирического плана, например А. Г. Филипповой [17], Л.А. Беляевой [1], О.И. Вендиной и др. [5]. В них эмпирические исследования предваряются разграничением участков "поля" для отделения нужных частей пространства. Исследования этой группы выполняют очень важную функцию связи между теорией и фактами через рефлексивную над отдельным участком социального пространства. В работах "партикулярного" отношения к пространству осуществляется тот логический переход к множественности пространств, в которых оно распадается на частичные конструкции в виде "пространства города", "детства", "текста", "отношений" и тому подобных множественных участков. Такие раздробленные "пространства", с одной стороны, создают критическую массу эмпирических фактов, необходимых для выхода на новое качество теории, но с другой – на фоне этого умножения сущностей всё более очевидным становится дефицит попыток обращения к универсалистским концепциям.

И третья группа работ, в рамках которой пространство как особая онтологическая предпосылка не рефлексивируется и не проблематизируется, а принимается как интуитивно понятное. Работы, выполненные в рамках так понимаемого пространственного подхода, в лучшем случае основаны на присвоении теоретических достижений предыдущих уровней и, возможно, получили "путёвку в жизнь" благодаря им. Собственная соотнесённость с

пространственным походом здесь выносятся за скобки как избыточный логический шаг. В этом случае правомерно говорить о метафорическом использовании категории "пространство" и отсутствии смысловой нагрузки этой категории, отражённой в результатах исследования.

Такая трёхуровневая градация показывает, что большая часть исследований, которые по авторскому замыслу (либо по формально-наукометрическим показателям – например, ключевым словам) выполнены в парадигме "пространственного подхода", на самом деле вряд ли соответствуют этому. Они относятся к нему лишь номинально и оперируют базовой категорией только и исключительно в метафорическом ключе (как "ключевым" словом). И поскольку именно такие работы доминируют в общем дискурсе социологических исследований, то, соответственно, факт бурного интереса к пространству, получивший название "поворот" в рамках этой науки, является спорным.

В рамках предложенной логики проще всего распознать работы, метафорически обращающиеся к пространству, поэтому далее остановимся подробнее на примерах универалистской и партикулярной интерпретации этой категории.

Универалистское понимание пространства

Тезис о возможности "универалистского" статуса концепции или теории нуждается в предварительной аргументации, в особенности с учётом того авторитета постмодернизма, который, уходя в прошлое, в качестве своего наследия оставил нам довольно устойчивый скепсис в отношении любых притязаний на универсализм. В этом смысле вряд ли вообще возможна такая теория, которая, безотносительно к её интерпретации пространства, была бы способна взять на себя ответственность за универсальный дискурс как "тотальный", претендующий на объяснение всего. В рамках этой работы принцип понимается как универалистский исключительно *в границах теории*. Это значит следующее: если понимать теорию как систему связанных между собой логических утверждений, то именно утверждение о пространственном измерении социальных отношений имеет статус наиболее общего объяснительного принципа, из которого последовательно в рамках и границах этой теории выводятся и объясняются взаимодействия более частного уровня и другие, представляющие эту теорию структурные единицы.

Если рассматривать степень универсальности понимания пространства как шкалу, по которой теории могут быть выстроены с разной степенью приближения к универсалистскому пониманию, то наиболее последовательную с этой точки зрения концептуализацию пространства мы находим у П. Бурдьё. Не считая нужным в рамках этой работы вдаваться в изложение базовых положений этого автора, приведу только те аргументы, которые позволяют считать его модель понимания социального пространства универалистской.

В его теории социальное пространство понимается как совокупность связей индивидов, организованных в поля: "пространство, т.е. связи..." [3, с. 68]. Поля структурированы внутри себя неравным распределением капитала, которое, в свою очередь, задаёт позиции агентов, различающихся и различающих себя по положению и границам в этих полях. Таким образом, само по себе место, занимаемое агентом в пространстве, представляет собой сложно сконструированную социальную концепцию. Универалистским такое понимание делает главным образом то, что из такой диспозиции агента/хабитуса, можно почти дедуктивным способом вывести практики и ценности, составляющие повседневность и все частные взаимодействия. И наоборот, индивидуальные практики, предпочтения в потреблении, общие ценности и повседневные рутины – всё это объясняется тем, как распределены разные виды капитала в социальных полях, как хабитус структурирует поле и конкурирует за диспозиции в нём. Положение в пространстве объясняет не только индивидуальную агентскую мотивацию, но и групповую динамику – через категории близких и далёких друг к другу диспозиций показывается, как происходит образование групп и социальных классов по соответствующим стилям жизни. При этом два вектора (хабитус как агентская активность и поле как внешняя структура), участвуя в структурировании пространства, задают сложную динамику взаимодействия объективных и субъективных процессов. Обратим

внимание ещё на несколько особенно важных пунктов, дополнительно подтверждающих универалистский взгляд на пространство.

Во-первых, через различия в диспозициях агентов пространство задаёт основу и движущий мотив социального действия, суть которого составляет конкуренция агентов за места с лучшим распределением капитала. Таким образом, базовым мотивом любого социального действия является стремление к получению лучшей пространственной позиции, то есть борьбой за пространство: "Пространство, точнее, места и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивающей более или менее решительное преимущество в этой борьбе" [3, с. 15–18].

Во-вторых, пространственный модус социальных отношений объясняет не только всю структуру и динамику социальной жизни, но и формирует физическое пространство, которое в концепции Бурдьё понимается как производное от социального. Между физическим и социальным пространствами нет иерархической или детерминационной зависимости, и социальное пространство обладает такой же степенью реальности, как и географическое пространство, "перемещения внутри которого оплачиваются работой, усилиями и в особенности временем (идти снизу вверх — значит подниматься, карабкаться и нести на себе следы и отметины этих усилий). Дистанции здесь измеряются также временем (например, временем подъема или преобразования — конверсии)" [3, с. 18]. Тем не менее, социальное пространство проявляет, обнаруживает и овеществляет себя в физическом, преобразуя его в том числе через механизм символического принуждения, в результате которого "физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии" [3, с. 53]. Вот какие характеристики, кроме приведённых в этой цитате, использует автор [3; 4; 20], объясняя соотношение между двумя разновидностями пространств:

- реализованное физически (социальное пространство стремится реализоваться в физическом);
- физическое пространство социально размечено и сконструировано;
- овеществлённое социальное пространство;
- присвоенное пространство.

В-третьих, с моей точки зрения, наибольшую выразительность универалистское понимание пространства получает через интерпретацию власти в терминах символического господства. Концепция власти как символического господства — сквозная тема практически для всех работ Бурдьё. Пространство связано с властью таким образом, что пространственная позиция (агента/хабитуса/группы агентов) выполняет роль сигнала, оказывающего влияние на других агентов. Это влияние может выражаться по-разному, в гипертрофированном виде принимая форму господства, подчинения и насилия. Соответственно, разные позиции агентов в полях имеют разную силу принуждения и те, которые концентрируются в диспозициях с самым высоким капиталом, имеют большую силу воздействия (больше власти). Таким образом, традиционный ещё для классической геополитики принцип "больше пространства — больше власти" в концепции Бурдьё приобретает новую интерпретацию в свете значимости символического капитала как ресурса нового типа.

В-четвёртых, универализм поддерживается интерпретацией пространства как целостной, но внутренне дифференцированной конструкции — универсума. Возможно, этот тезис звучит слишком категорично для концепции, всячески дистанцирующей себя от всех видов классификаций, однако нет сомнений в том, что поля, составляющие структуру социального пространства, функционируют в универсальной логике. Особенности и детализация их внутренней динамики отличаются, поскольку первичный элемент пространства — это связи, а они имеют специфику, определяемую полем, но сохраняется единая логика интерпретации этого процесса как борьбы конкурирующих сил, символического господства, воспроизводства различий и неравенства. И тот факт, что признаётся многообразие форм (полей), внутри которых происходят идентичные по логике воспроизводства процессы, связывает в концепции Бурдьё два, казалось бы, несовместимых принципа в диалектическом един-

стве – отсутствие детерминизма и закономерность. Как отмечает Д. Ритцер, "Это отсутствие детерминизма – одна из основных особенностей, отличающих позицию Бурдьё от подходов традиционных структуралистов" [15, с. 462].

Это означает, что универсалистское понимание пространства у Бурдьё не имеет ничего общего с привычными по классическим философским концепциям вариациями на тему субстанциализма. Пространство не является, условно говоря, "первичной" или "порождающей" сущностью, как и все остальные структуры социального мира. Сам автор неоднократно предостерегает от любых вариантов каузального понимания связей в трактовке всех категорий – то же самое справедливо по отношению к "хабитусу" и "практике". Эти понятия вводятся для обозначения активности субъекта, который, действуя в объективно заданном пространстве, одновременно создаёт его. И тем не менее трудно не согласиться с теми интерпретациями теории Бурдьё, в которых подчёркивается, что при всех попытках избежать субстанциализма и выйти за рамки дихотомии "структура-действие" он остаётся "ближе к структурному подходу" [8, с. 47], ведь, по словам самого автора, "категории перцепции социального мира являются в основном продуктом инкорпорации объективных структур социального пространства" [3, с. 18], что, собственно, дополнительно усиливает аргументы в пользу пространственной проблематики в универсалистском ключе.

Суммируя сказанное в отношении концепции Бурдьё, можно сказать, что наилучшим выражением универсалистской интерпретации пространства будут слова самого автора о том, что "социология представляет собой социальную топологию", в которой агенты и группы агентов определяются по их относительным позициям в пространстве [3, с. 15]. При этом их "положение существует только реляционно, это обязательно относительное положение; занимать его значит быть чем-то, чем не являются другие" [4, с. 244]. Такой вариант, названный Дж. Ритцером "методологическим реляционизмом" [15, с. 464], даёт большую свободу исследователю за счёт отсутствия жёстких границ, изначально предопределяющих стратификационные признаки классов, групп, институтов и правил. Всё это показывает, что пространственная консолидация агентов/хабитусов, полей и практик даёт возможность апеллировать к пространству как к универсальному операциональному конструкту, применимому для интерпретации широкого круга эмпирических объектов.

Множество других авторов внесли весьма значительный вклад в разработку теории социального пространства, о чём написаны статьи и книги, в которых среди них называют Д. Харви [19], А. Лефевра [11], Э. Гидденса [7], А.Ф. Филиппова [18] и др. Ни в малейшей мере не умаляя их вклада, отметим здесь, что выделение из этого ряда Бурдьё имело только одно основание: в его модели универсалистский масштаб теоретизирования сочетается с открытостью для социологической операционализации, то есть здесь нет самодостаточного замыкания теории на самой себе, а имеется выход к объяснению широкого диапазона эмпирических фактов. Этим объясняется и тот отклик, который она получила на эмпирическом уровне, как в зарубежной, так и (в меньшей степени) в российской социологии [1; 5; 6; 21].

"Партикулярные" и "метафорические" интерпретации пространства: кумулятивный переход или "умножение сущностей без необходимости"?

Несмотря на наличие исследований, опирающихся на разработки Бурдьё, нельзя сказать, что они "делают тренд", по крайней мере в российской социологии. Так, в российской электронной библиотеке E-library поисковой запрос статей, книг и диссертаций за 2016–2021 г. по ключевому слову "социальное пространство" выдал всего 106 результатов, среди которых существенную часть представляют историко-социологические обзоры (для сравнения: аналогичный запрос на ресурсе google scholar выдаёт от 1,7 млн до 2 млн. результатов).

К социологическим исследованиям, выполненным в рамках "партикулярной" онтологии отнесём те, которые ограничивают рефлексию отдельной частью исследуемого пространства. Здесь встречаются работы, по-разному выстраивающие связь между теорией и эмпирикой, но в обязательном порядке уделяющие внимание первой. Это может быть отсылка к теории "универсалистского" уровня, под которую автор выстраивает "приложение", про-

водя операционализацию теоретических концептов применительно к своему эмпирическому полю [1]. Это может быть теоретическая "надстройка" в виде поиска возможности дополнений к универсалистской теории, как например, попытка написать онтологию "приватного-публичного" пространства в более общие рамки концепций социального пространства [6].

Именно на этом уровне происходит дифференциация, и социальное пространство дробится на отдельные участки. Эта логика вполне релевантна концепции Бурдьё, так как каждое из полей выполняет роль "подпространства", так как конструкции вроде "экономическое", "образовательное", "культурное" и пр. пространства имеют легитимный статус в его теории. Исследования, выполненные в "партикулярной" рамке, в отличие от метафорического обращения с пространством, не ограничиваются только обозначением подпространственного диапазона, но также предлагают внятное и аргументированное обоснование использования понятия пространства, его границ и смыслов, включаемых в предметную область. Так, например, А.Г. Филипова [17] обосновывает статус "пространства детства" через деконструкцию функциональных и смысловых структур пространства, предложенных в концепции А.Ф. Филиппова [18]. В результате для эмпирического уровня это деление трансформируется в различия между физическими и надфизическими структурами пространства детства, обе из которых важны, т.к. "удовлетворение физиологических потребностей мы связываем с "функциональными" местами, а социальных (потребностей в общении, признании, развитии) – со "смысловыми" местами" [17, с. 80]. Проведённый пример показывает не случайное (в нашей терминологии – не метафорическое) обращение автора к тематике пространственности.

Полагаем, что важной характеристикой пространственного поворота должно было стать смещение интереса к пространству в область такой рефлексии, и он был бы возможен, если бы работы, представляющие эту логику, формировали бы доминирующий тренд. Однако этого пока не происходит, потому что таких исследований, обозначающих рамки и концептуальные границы своей предметности, в группе "партикулярной онтологии" не так много. В огромном списке работ с условным собирательным названием наподобие "образовательное/культурное/информационное/жизненное... и т. д. пространство музея/школы/города/региона" мы, как правило, не обнаружим никакого объяснения в отношении использования этой категории. Это значит, что в самом большом по численности корпусе работ "пространство" используется как понятие обыденного языка, смысл и значение которого интуитивно ясны всем читателям и не нуждаются в пояснениях. Выше приводились результаты поискового запроса по ключевому слову "социальное пространство". Любопытно отметить, что аналогичные запросы по параметрам и "образовательное/культурное/информационное пространство" дают принципиально другой порядок результатов (от 1200 и более результатов). Таким образом, обращение к этому термину как к теоретически нагруженному концепту, имеющему собственный объяснительный потенциал, всё ещё не является общим местом в пространственной проблематике.

Заключение

Если говорить о положении дел в социологии, то вряд ли можно считать эту науку тем передовым рубежом, по которому проходит "пространственный поворот". Подъём интереса к пространству в середине XX – начале XXI века здесь правильнее считать заделом на будущее, обозначающим скорее перспективные "точки роста", чем актуальное положение дел. Представляется, что этот "поворот" связан не с тем, что возобновился интерес социологов к пространству, который, как известно, всегда был. Поворот скорее состоялся внутри дискурса о пространстве: на физическое за социальным пространством. Однако с точки зрения разработки теорий, предлагающих как универсальные объяснительные схемы, так и рабочие модели, пригодные для эмпирической фонне перехода от модерна к постмодерну понимание самой категории пространства переросло те традиционные предикаты, в которых оно наделялось абсолютным статусом. Возможно, поворот состоялся и в том, что связь между физическим и социальным пространствами после постмодерна была перевёрнута. Теперь не только социальное, но и физическое пространство создаётся,

конструируется, получает смыслы, значимость и ценностные коннотации от субъекта – так, как это аргументировано в концепциях П. Бурдьё А. Лефевра, Д. Харви, М. Кастельса [10] и др. Более того, конструирующий/конституирующий потенциал был перезакреплён с операционализации, сделано немного. Нарботки указанных авторов показывают тот существенный мировоззренческий сдвиг, произошедший в отношении понимания пространства, но мало кто обращается к вопросу о том, какие инструменты нужны для того, чтобы работать в этой мировоззренческой парадигме на практике.

Из-за этого пространственный поворот для социологии, как уже упоминалось, является скорее проектом, направленным в будущее, чем пережитым опытом. Два принципиальных вектора этого проекта могли бы продвинуть процесс: во-первых, в направлении наработки "партикулярных" онтологий, наращивающих потенциал "теорий среднего уровня" в отношении пространства (в том смысле, в каком этот термин понимал Р. Мертон [12]), во-вторых, в отношении разработки возможных механизмов/алгоритмов операционализации, позволяющих связать теории с фактами, которые можно использовать как методологический арсенал эмпирического уровня. Иначе говоря, актуальную область пространственных исследований могли бы составить методологические разработки в направлении поиска того, "что является, собственно, "локусом", местом пребывания, местом референции, основанием солидарности для множества новых и новых групп, — этот вопрос опять-таки имеет смысл лишь в том случае, если проблема пространства получит надлежащее *методологическое прояснение*. Она не получила его до сих пор" [18, с. 18]. А.Ф. Филиппов констатировал такое положение дел в работе 2008 года, но за прошедшие годы ситуация не утратила своей актуальности.

В этой статье показано, что рост численности работ, обращаящихся к пространству в частных областях, не означает становления пространственной социологии. Возможно, наличие этого интереса произведёт тот необходимый кумулятивный эффект, благодаря которому со временем она появится. В настоящий момент, как было показано выше, для самих авторов работ, создающихся в таком широком русле пространственной проблематики – например, миграционных исследований, – ни понятие пространства, ни тем более пространственного поворота не является предметом рефлексии. Они обходятся без осознания своей принадлежности к этому теоретическому подходу. Поэтому рост интереса к пространственным исследованиям в российской социологии специфичен: с одной стороны, это эмпирические исследования без рефлексии и теории, с другой – движение теоретиков пространства, прежде всего школы А.Ф. Филиппова, не снисходящих до эмпирики.

В заключение хочу обратить внимание на то, что ни один из маркеров, связанных с предложенной в этой работе типологией, не носит оценочного характера и не предполагает суждений относительно качества исследования и текста: "универсалистское" понимание пространства не значит, что исследование лучше или хуже по сравнению с "партикулярным" или "метафорическим". Те работы, в которых понятие пространства используется как интуитивно ясное ("метафорическое") очень часто построены на интересном эмпирическом материале и его адекватном анализе. Здесь речь идёт только о попытке прояснения онтологического статуса категории "пространство", и пока что ни в "универсалистской" ни в "партикулярной" онтологии не складывается того, что можно было бы считать "критической массой" рефлексии, свидетельствующей о "пространственном повороте" в социологии.

Литература

1. Беляева Л.А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Серия Социология. 2018. Т.8. № 1. С. 58–72.
2. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А. и др. "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2(57). С. 46–59.
3. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
4. Бурдые П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж-де Франс (1992–1993). М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 416 с.
5. Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–7.
6. Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой современной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29.
7. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2018. 528 с.
8. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2018. 336 с.
9. Зиммель Г. 16 лекций о Канте // Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 7–157.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 608 с.
11. Лефевр А. Производство пространства. М: Институт медиа, архитектуры и дизайна "Стрелка", 2015. 432 с.
12. Мертон Р. О социологических теориях среднего уровня // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 64–104.
13. Мид Дж. Г. Философия настоящего. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2014. 310 с.
14. Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология. Антология / Под ред. С. П. Баньковской. Т. 1. М.: Книжный дом "Университет", 2002. С. 374–390.
15. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб: Питер, 2002. 688 с.
16. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295–424.
17. Филипова А. Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики, 2012. № 1. Т. 10. С. 79–94.
18. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб, 2008. 285 с.
19. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2021. 576 с.
20. Bourdieu P. Social Space and the Genesis of the Appropriated Physical Space. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-2427.12534> (дата обращения: 12.12. 2021).
21. Blasius J., Leabron F., Le Roux B., Schmitz A. Empirical Investigations of Social Space. Springer Nature, Switzerland, 2019. 440 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belyaeva L.A. Sotsial'nye distantsii kak kharakteristika sotsial'nogo prostranstva sovremennoj Rossii // Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya. 2018. T.8. № 1. S. 58–72.
2. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A. i dr. "Prostranstvennyĭ povorot" i ego interpretatsiya v rossijskoĭ nauke i institutsional'noĭ praktike // Oĭkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2021. № 2(57). S. 46–59.
3. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / Per. s frants.; otv. red. perevoda N.A. SHmatko. M.: Institut ehksperimental'noĭ sotsiologii. SPb. : Aleteĭya, 2007. 288 s.
4. Burd'e P. EHkonomicheskaya antropologiya: kurs leksij v Kollezh-de Frans (1992–1993). M.: Izdatel'skij dom "Delo" RANKHiGS, 2019. 416 s.
5. Vendina O.I., Panin A.N., Tikunov V.S. Sotsial'noe prostranstvo Moskvyy: osobennosti i struktura // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2019. № 6. S. 3–7.
6. Volkov YU.G. Privatnoe prostranstvo: opyt sotsiologicheskoy refleksii solidaristskogo potentsiala novoj sovremennoj real'nosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 12. S. 20–29.
7. Giddens E.H. Ustroenie obshhestva. Ocherk teorii strukturatsii. M.: Akademicheskij proekt, 2018. 528 s.
8. Giddens E.H., Satton F. Osnovnye ponyatiya v sotsiologii. M.: Izd. dom NIU VSHEH, 2018. 336 s.

9. Zimmel' G. 16 leksij o Kante // Zimmel' G. Izbrannoe. Tom 1. Filosofiya kul'tury. M.: YUrist, 1996. S. 7–157.
10. Kastel's M. Informatsionnaya ehpkoha: ehkonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: GU VSHEH, 2001. 608 s.
11. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M: Institut media, arkhitektury i dizajna "Strelka", 2015. 432 s.
12. Merton R. O sotsiologicheskikh teoriyakh srednego urovnya // Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M.:AST, 2006. S. 64–104.
13. Mid Dzh. G. Filosofiya nastoyashhego. M.: Izd. Dom GU VSHEH, 2014. 310 s.
14. Park R. EHkologiya cheloveka // Teoreticheskaya sotsiologiya. Antologiya / Pod red. S. P. Ban'kovskoi. T. 1. M.: Knizhnyĭ dom "Universitet", 2002. S. 374–390.
15. Rittser Dzh. Sovremennye sotsiologicheskie teorii. 5-e izd. SPb: Piter, 2002. 688 s.
16. Sorokin P. A. Sotsial'naya i kul'turnaya mobil'nost' // Sorokin P.A. CHelovek. TSivilizatsiya. Obshhestvo. M.: Politizdat, 1992. S. 295–424.
17. Filipova A. G. Sotsial'noe prostranstvo detstva: printsipy markirovaniya territorij // ZHurnal issledovaniy sotsial'noj politiki, 2012. № 1. T. 10. S. 79–94.
18. Filippov A.F. Sotsiologiya prostranstva. SPb, 2008. 285 s.
19. KHarvi D. Sostoyanie postmoderna. Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenij. M.: Izd. dom NIU VSHEH, 2021. 576 s.
20. Bourdieu P. Social Space and the Genesis of the Appropriated Physical Space. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-2427.12534> (data obrashheniya: 12.12. 2021).
21. Blasius J., Leabron F., Le Roux B., Schmitz A. Empirical Investigations of Social Space. Springer Nature, Switzerland, 2019. 440 p.

Информация об авторе

Эльвира Октавьевна Леонтьева, д-р соц. наук, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Information about the author

El'vira O. Leont'eva, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Political Science and Regional Studies, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 12.01.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 02.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 19.02.2022